

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Большее всего в форсайте бесит ясность сознания и полнота ощущений.

Я был в комнате. Маленькой и темной от глухих плотных занавесей на окне. Пахло одновременно плесенью и пылью. Угадывались очертания шкафа, широкой кровати с бугрящимися одеялами, двух тумбочек, стула, заваленного скомканной одеждой.

Я тяжело дышал, стоя у дверей, вслушиваясь в тишину. А тишина была мертвая, гробовая.

Меня зовут Никита, мне двадцать пять лет, я занимаюсь ценными бумагами, я абсолютно здоров. Так было, когда я несколько часов назад ложился спать.

Сейчас все несколько иначе, поскольку у меня форсайт.

Пошарив по стене, я нащупал выключатель, как можно мягче щелкнул клавишей. Свет не зажегся. При всей нелепости поступка он имел смысл: порой лампочки начинают светиться.

Не в этот раз.

Я тихо обошел кровать. Левая нога привычно ныла у щиколотки, я когда-то потянул связки. Слегка раздвинул шторы. Посмотрел наружу сквозь мутный лист тонкого пластика.

Улица была пуста, если не считать автомобилей, большей частью припаркованных вдоль обочин, иногда застывших посреди проезжей части. Некоторые прожавели в хлам, два были расплющены в цветные железные блины. Несколько машин стояли на удивление чистенькие и новенькие, словно только что приехали из салона.

Только боковые зеркала на всех были расколочены вдребезги.

Людей, конечно, не видно.

Над городом тяжелым куполом висели серо-багровые облака. Свет шел от них, нездоровый мрачный свет Мира После.

Я отпустил шторм, оставив щель, и повернулся к кровати.

Там, как я и ожидал, лежали двое. Мужчина и, судя по длинным волосам, женщина. Тела давно мумифицировались, ссохлись, превратились в темных восковых кукол. На тумбочке стояла пустая бутылка из-под вина с осадком на дне, два грязных бокала и упаковка каких-то таблеток, которые пара запила вином, прежде чем обняться и навсегда уснуть.

Я нагнулся над стулом и принялся аккуратно рыться в одежде.

Подобные форсайты уже случались, и я знал, что ничего ценного там не найду. Я просто собирался с духом. Была одна хитрость, на которую не все решаются, но я уже кое-чему научился.

Шкаф!

Это может быть опасно, поэтому многие туда даже не заглядывают. А ведь зря. Зачем рыться в одежде, которую люди сняли, прежде чем покончить с собой, потом открывать тумбочки, где нашлась лишь упаковка презер-

вативов, какие-то подсохшие крема и детектив Дарьи Донцовой, когда в комнате стоит огромный шкаф?

Допустим, мне не нужна одежда, но чистое белье, носки... мало ли что может оказаться в шкафу?

Оружие, там может быть оружие.

Или еда.

Или бутылка алкоголя.

Некоторые люди хранят хорошее спиртное в платяном шкафу. Я в этом абсолютно убежден. Там стоит большая деревянная коробка. А в ней — какой-нибудь редкий старый виски. И еще коньяк. И канистра со спиртом. Крепкий алкоголь — это ведь не только и не столько для того, чтобы напиться. Он годится для самых разных целей.

Я закончил проверять тумбочки. Спрятал в карман упаковку презервативов, это тоже многофункциональная вещь, почти как спирт. И посмотрел на шкаф.

К сожалению, имелись серьезные причины не открывать его...

Ну же!

Главное — первый шаг.

Я напрягся. Сделал шаг, через силу, как будто в воде. Через мгновение сопротивление отпустило, тело покорилось и стало слушаться. Я подошел к шкафу. Помедлил. И потянул на себя дверцу.

В полутьме блеснуло большое зеркало на задней стороне двери. Не просто шкаф, а шифоньер, опасения оправдались! К счастью, я был готов и сразу же отвел глаза, мельком успев заметить свое небритое исхудавшее лицо и одежду серо-зеленой камуфляжной расцветки.

Искушение внимательно себя разглядеть было велико, но некоторым искушениям не стоит поддаваться.

Я стал быстро выдвигать ящики, выбрасывая из них на пол одежду. Женские трусики и маечки, полотенца, свитера, пачка денег, шкатулка с драгоценностями — все было безжалостно выброшено.

А вот пошли и мужские ящики.

Из одного я достал упаковку новых носков и вскрытый пакет трусов. Мельком глянул размер и тоже отложил вместе с носками. Быстро перебрал рубашки и взял одну, слегка ношенную, но из хорошего плотного хлопка.

Потом заглянул в низ шифоньера.

Там действительно стояла картонная коробка с коньяком «Мартель».

Надо же!

Я снял с плеч тощий рюкзак, сложил туда чистое белье, рубашку и бутылку, достав ее из коробки. Снова набросил рюкзак на плечи.

И увидел, самым краем глаза, как в зеркале что-то мелькнуло.

Что-то большое, неуклюжее, мерцающее, словно подсвеченное фонариком.

Не повезло...

Оборачиваться я даже не пытался. Вместо этого выдернул из ножен на поясе здоровенный нож из темного металла и несколькими ударами вслепую разбил зеркало, после чего захлопнул дверцу шифоньера.

Прислонился к шкафу, качая головой. Стукнул по дверце кулаком, злясь на самого себя. Хрустнул осколок зеркала, застрявший в двери.

Разумеется, в форсайте имелась причина не заглядывать в шифоньеры.

Нож в ножны. К дверям. Через прихожую (зеркало у дверей было кем-то разбито до меня). В открытую

дверь, в подъезд, вниз. Пятый этаж — я знал, хоть и не помнил, как поднимался.

Ненавижу форсайты! Самым мерзким был третий, но и этот набирал обороты.

Я вышел из подъезда в красно-серый сумрак. Было прохладно, но при этом как-то неожиданно спертло, словно воздух на улице застоялся. Быстро оглядевшись, я пошел к перекрестку. Там, вдали, виднелась большая красная буква «М» — не светящаяся, конечно, но безошибочно узнаваемая.

Собираюсь спуститься в метро? Или просто пройду мимо?

Не факт, что я это узнаю.

Но попробовать стоило.

Я прошел вдоль двух высоких многоэтажных домов (увы, ни номеров, ни табличек с названием улицы на них не было). Стекла, конечно, выбиты, кое-где окна заколотили фанерой, затянули пленкой или вставили полупрозрачные пластиковые листы. Под самой крышей вызывающе отсвечивали красным несколько окон с рифленным стеклом. Большая ценность, насколько я понимаю.

У крайнего подъезда я увидел табуретку, на ней сидела девочка-подросток в ослепительно-белом платье до колен и лакированных великоватых босоножках (на всякий случай я отвел от них взгляд). Перед ней на асфальте стоял стакан из мутного стекла с горящим огарком свечи внутри. Девочка молча и сосредоточенно провожала меня взглядом. Лицо у нее было неестественно спокойным, волосы уложены, кажется, даже губы и глаза слегка подкрашены.

Как ей не холодно-то?

Я прошел мимо. В Мире После не особо принято с кем-то общаться. Теперь впереди был сквер — деревья

с голыми, мертвыми, будто зимой, ветками, редкие павильоны.

«М» приближалась. Хоть бы название станции увидеть или получше рассмотреть павильон метро!

Потом позади бухнуло.

Я обернулся, уже зная, что увижу.

На полпути между мной и подъездом, где сидела девочка, в облаке пыли стоял зверь.

Больше всего он походил на волка размером с лошадь. мех на шее и загривке топорщился пышной гривой — так в старину в Европе рисовали львов.

Глаза зверя мерцали красным. Он медленно поворачивал голову — то ко мне, то к девочке на табуретке. Пыль медленно оседала.

Сейчас зверь примет решение и прыжками умчится к подъезду. Девочка беззащитнее, чем я, и, наверное, должна быть вкуснее. Хищники всегда предпочтут напасть на слабую добычу.

А я побегу вперед и постараюсь нырнуть в метро...

Волк тряхнул гривой. И пошел в мою сторону. Вначале медленно, а потом все быстрее и быстрее, молча и неотвратимо.

Черт!

Не стоило все же лезть в шкаф!

Я побежал, стараясь не замечать боли в ноге. Быстро, отчаянно, понимая, что не успею добраться до метро, а если и успею, там не укрыться. Кроме меня и странной девочки, никого на улице не было. Я бежал вдоль разбитых витрин одноэтажного павильона, обшитого серым металлическим сайдингом, раньше тут размещались какие-то магазины. Местами витрины были заколочены досками и фанерой, местами зияли пустотой, но пря-

таться там было самоубийством. Словно залезть в кормушку и закричать: «Кушать подано!»

Волк прыгнул, сократив дистанцию наполовину, я понял, что он играет и способен догнать меня в один миг.

Зачем я полез в шифоньер? За бельем и выпивкой?

Хоть бы переделся и выпил, умер бы в чистых трусах и пьяным!

В разбитых витринах вдруг возник человеческий силуэт. Я увидел парня лет двадцати, плотного, высокого, в круглых очках, в яркой футболке и джинсах. В руках у парня была здоровенная дура, некоторыми по недоразумению называемая автоматом — пулемет Ferfrans HVLAR. Такая темно-серая хреновина, вся какая-то решетчатая, будто из конструктора собранная, а внизу под ней торчит тяжеленный круглый магазин.

Увидеть в родных московских пейзажах творение американских оружейников было так неожиданно, а появление молодого здоровяка с десятикилограммовым пулеметом в руках так внезапно, что я запнулся и упал.

В тот же миг юноша начал стрелять.

Не в меня.

Я знал, что HVLAR имеет хитрую систему погашения отдачи, благодаря которой из него реально можно стрелять даже с одной руки. И все-таки это выглядело удивительно.

Большая часть пуль, конечно, прошла мимо, в основном у меня над головой. Но и волку-переростку досталось. Он впервые издал звук, смесь рычания и визга, крутанулся на месте, задев меня по бедру хвостом. Удар был будто дубиной!

Парень захохотал и перестал стрелять.

Зря.

Волк собрался, сжался пружиной — и прыгнул, сбивая стрелка с ног. В последний миг тот успел снова нажать на спуск, выстрелы глухо застучали из-под придавившей парня туши, волк издал глухой рык, задергался, распластался на стрелке.

Я поднялся, достал нож. Постоял, глядя на неподвижное тело юноши, придавленное неподвижным зверем. Из-под туши торчал оружейный ствол. Тоже неподвижный, разумеется, из него только легкий дымок шел. На землю обильно текло красное, в багровом сумраке выглядящее черным.

Плохо.

Осторожно подойдя, я потянул пулемет, стоя так, чтобы меня не задело, если спуск зацепится и оружие выстрелит.

Только когда пулемет оказался у меня в руках, я почувствовал себя чуть спокойнее. С трудом, но все-таки сообразил, как перевести «хвлар» на одиночную стрельбу. Прицелился в голову зверя и выстрелил в упор.

Брызнуло темной кровью, белыми осколками кости и чем-то блестящим, не то металлическим, не то стеклянным. Волк не шевелился.

Я едва смог стащить его голову с лица парня. Впрочем, спешить нужды не было, шею тварь разорвала начисто, до позвоночника.

Но все-таки я выволок его из-под волка. Он был весь в крови, окончательно и бесповоротно мертвый. Зверь не только разодрал лицо и горло, он еще перекусил ему правую руку по локоть, та так и осталась висеть, не то вцепившись в шерсть, не то запутавшись в ней пальцами.

Как ни странно, очки стрелка не разбились, только слетели в грязь. Я с любопытством повертел их. Анти-

бликовые линзы, понятно, иные носить самоубийство. Достал ведь где-то... Я положил очки ему на грудь.

Где же ты добыл такую пушку, паренек? И чего хотел — спасти меня? Или просто сдали нервы?

Я осторожно обшарил тело, стараясь не слишком выпачкаться и невольно отметив, как профессионально проверяю карманы.

И, к своему удивлению, нашел мобильный телефон с небликующей защитной пленкой на экране. Он даже оказался заряжен. Индикатор сети, конечно, ничего не показывал, вход запаролен, я был вознагражден лишь заставкой с фотографией какой-то немолодой женщины. Мать? Я помахал телефоном перед искромсанным и окровавленным лицом парня, но телефон отказался узнавать хозяина в таком состоянии. Я уже собрался положить телефон парню на грудь и уйти, но передумал и вынул его из чехла.

На обороте корпуса обнаружилась гравировка: «Верните за вознаграждение». И номер телефона.

Не Бог весть что, но я постарался запомнить.

Встал, взял пулемет поудобнее. Все-таки он был тяжеленный как сволочь, даже если у него слабая отдача, много с таким не побегаешь.

Но я сейчас бегать не собирался. Надо было проверить павильон, откуда появился парень. Возможно, там есть патроны. А может, и еще что-то...

И тут форсайт кончился. Неожиданно рано.

Открыв глаза, я втянул воздух. Ощущение — словно минуту не дышал. Так всегда бывает.

Все тело покрывал липкий холодный пот, руки чуть тряслись. Это тоже дело обычное. Медленно спустив